

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

И. Ф. ВАРДУЛЬ

ОБ ИЗУЧЕНИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО АСПЕКТА ЯЗЫКА

Неразрывность и взаимообусловленность мышления как способа отражения действительности и языка как материальной основы мышления бесспорны. Из этого следует, что мышление не может быть полностью экстралингвистическим. Лингвистика должна не только опираться при описании языка на мыслительные категории, но и сама должна изучать область мысли (конечно, не в полной мере, а лишь постольку, поскольку это необходимо для исчерпывающего изучения языка). И лингвисты интенсивно изучают мышление¹. В исследовании этой проблемы, однако, не все еще доведено до требуемой степени ясности.

В теории (не в исследовательской практике) мышление обычно исключается из компетенции лингвистики. Считается, что языкознание изучает язык, мышление же изучается логикой (а также психологией и физиологией). Известно, например, что в связи с суждением как формой мысли существует ряд разногласий. Одни полагают, что суждение выражается лишь повествовательными предложениями, другие относят к суждениям также вопросы и повеления. По мнению одних, безличные предложения выражают одночленное суждение, по мнению других — двучленное. Не касаться в языкознании этой (и подобной) проблематики значит заниматься семантическим исследованием, не заботясь о его теоретической базе. Но и произвести выбор между альтернативными мнениями лингвист, строго говоря, не в состоянии. Прежде чем выбирать, надо решить, что такое суждение, а этот вопрос считается нелингвистическим. Приходится переходить из сферы языкознания в сферу логики, чтобы ответить на него. Положение осложняется тем, что знания о мышлении, предоставляемые логикой (не говоря уже о других науках), оказываются недостаточными для лингвистики.

Думается, что одна из актуальных задач в настоящее время состоит в том, чтобы найти такой подход к языку и мышлению, который позволил бы осветить принадлежащую объекту лингвистики сторону мышления, а в лингвистике, точнее — в собственно лингвистике², выделить, наряду с дисциплинами, описывающими языковые единицы (в том числе единицы синтаксического и супрасинтаксического ярусов), также самостоятельную дисциплину для лингвистического описания области мысли. Семантика,

¹ Из последних работ можно назвать: В. З. Панфилов, Взаимоотношение языка и мышления, М., 1971; С. Д. Кацнельсон, Типология языка и речевое мышление, Л., 1972.

² Мы исходим из того, что лингвистика является комплексной наукой. В ней различаются собственно лингвистика, изучающая свой объект в отвлечении от его внешних (экстралингвистических) связей, и ряд внешнелингвистических дисциплин, таких, как психолингвистика, социолингвистика и т. д., которые, развиваясь на стыке языкознания с другими науками, изучают тот же объект, но в контексте его внешних связей.

как будет ясно из дальнейшего, имеет дело с языковыми единицами, а не непосредственно с соответствующими мыслями, и потому не может быть признана такой дисциплиной.

В данной статье делается попытка наметить решение этой задачи. Как мы уже говорили, лингвистику интересует лишь та сторона мышления, которая принадлежит объекту лингвистики. Поэтому мы, очевидно, должны поступить следующим образом. Надо отвлечься от экстралингвистических связей языка, т. е. стать на позиции собственно лингвистики, и с этих позиций обратиться к языку в его семантическом аспекте, т. е. в его отношении к тому, что обозначается посредством языка. Если язык и мышление неразрывны, а сомневаться в этом нет оснований, последовательное распространение собственно лингвистического взгляда на семантический аспект языка должно привести к обнаружению лингвистической стороны мышления.

Но прежде чем вплотную заняться темой статьи, необходимо сделать одно отступление.

К любому «кусочку» действительности можно подойти с двух разных точек зрения — субъективно, с точки зрения того, как оно воспринимается самим познающим субъектом, и объективно, с точки зрения стороннего наблюдателя, с точки зрения того, каким этот «кусочек» действительности является независимо от субъекта. При субъективном подходе неизбежно некоторое искажение действительности, обусловленное ограниченностью нашего восприятия. Объективный подход предполагает устранение этих искажений. Различение субъективного и объективного способов рассмотрения можно пояснить на таком примере. Субъективно мы не замечаем вращательного движения земли. Нам кажется, что солнце движется по небосводу, а земля неподвижна. Объективно же, как известно, движется земля, по отношению к которой солнце неподвижно. Применительно к деятельности по получению знаний размежевание субъективного и объективного подходов проводит А. А. Зиновьев: «Деятельность исследователя по получению знаний можно рассматривать двояко: 1) субъективно, т. е. в том виде, как она переживается исследователем; 2) объективно, т. е. в том виде, как ее можно наблюдать со стороны (фигурируя лишь то, что можно видеть, слышать и т. д.)»³.

Наука, несомненно, стремится к объективной трактовке того, что она изучает. Однако из этого не следует делать вывод, что только объективный подход научный, а субъективный всегда ненаучен. Субъективный и объективный способы рассмотрения находятся в отношении дополненности и одинаково важны для науки, хотя, разумеется, нельзя забывать, что объективную картину действительности дает только объективный подход.

Зададимся вопросом: как должна понимать собственно лингвистика процесс говорения и слушания?

Наиболее распространены теории, — Л. Блумфилд называл их менталистскими, — согласно которым говорение есть выражение мыслей, возникающих в сознании говорящего, а слушание есть восприятие этих мыслей или воссоздание их в сознании слушающего при посредстве языковых знаков. Эти теории весьма многочисленны и во многом различны. Но как бы они ни различались, в одном они едины. Языковая коммуникация понимается в них субъективно: говорение рассматривается с точки зрения субъективных переживаний говорящего, слушание — с точки зрения субъективных переживаний слушающего.

³ А. А. Зиновьев. Основы логической теории научных знаний, М., 1967, стр. 11.

Такой подход, безусловно, правомерен. Он принимается в большинстве наук, в том числе и в такой лингвистической дисциплине, как психолингвистика⁴. Поэтому нельзя согласиться с огульным отрицанием ментализма со стороны Блумфилда. Однако для собственно лингвистики он все же непригоден. При субъективном взгляде на речевую деятельность мысль предстает как переживание говорящего (слушающего) и, если быть последовательным, должна считаться психической данностью. А психическое экстралингвистично. Из этого вытекает, что исследователь семантического аспекта языка, строго придерживающийся субъективного взгляда, неизбежно должен опираться на категории, им же самим трактуемые как экстралингвистические, вступая в противоречие с основным собственно-лингвистическим принципом.

Таким образом, в собственно лингвистике субъективный подход к говорению и слушанию должен быть заменен объективным подходом (аналогично тому, как поступает современная логика).

Механизмизм, противопоставленный Блумфилдом ментализму, тоже не может удовлетворить собственно лингвистику. По Блумфилду⁵, каждое высказывание есть одновременно речевая реакция говорящего (r) на некоторый предшествующий стимул (S или s) и речевой стимул (s), способный вызвать у слушающего некоторую ответную реакцию (R или r). Этой теории нельзя отказать в объективности. Ее изъян в другом. Ясно, что S, предшествующий высказыванию, и R, последующая ему, не принадлежат к объекту лингвистики. Это отдельные проявления внеязыковой действительности. Но согласно Блумфилду, именно из них складывается значение⁶. Следовательно, механизмизм тоже находится в несомненной зависимости от экстралингвистического фактора. Только, в отличие от ментализма, ищущего опоры в области психики, механизмизм обращается к внеязыковой действительности.

Более надежную основу для ответа на поставленный вопрос дают идеи общей теории связи, позволяющие истолковать речевое высказывание как последовательность сигналов в канале связи, а говорение и слушание — как работу передатчика и приемника безразличной природы, т. е. как кодирование и декодирование⁷. Действительно, собственно лингвистика не может судить о том, что происходит в голове человека при говорении и слушании. Для нее не существенно, выражается ли в высказывании мысль, формулируемая говорящим в момент говорения или возникшая у него ранее, высказывает ли говорящий свою мысль или он переводит то, что сказала ему другое лицо на другом языке, порождено ли данное высказывание человеком или машиной и т. д. Существенно лишь строение высказывания и той знаковой системы (естественного языка), которая представлена в этом высказывании. В связи с этим вполне естественно воспользоваться понятиями общей теории связи.

Никакая информация не существует вне кода, вне знаковой системы. Следовательно, кодирование и декодирование есть разнонаправленные процессы перекодирования, перевода с одного кода на другой, с одной знаковой системы на другую. При кодировании код, используемый для выражения некоторой информации, но неприемлемый для канала связи, заменяется другим кодом, отвечающим характеристике этого канала. При декодировании тот же процесс протекает в обратном направлении.

⁴ Ср., в частности: «Теория речевой деятельности (Проблемы психолингвистики)», М., 1968, стр. 6, 8.

⁵ См.: Л. Б л у м ф и л д, *Язык*, М., 1968, стр. 37 и сл.

⁶ См. там же, стр. 142.

⁷ Ср., в частности: «Psycholinguistics. A survey of theory and research problems», Baltimore, 1954, стр. 1—3.

Из этого можно заключить, что высказыванию на естественном языке должно предшествовать (при говорении) и последовать (при слушании) тоже закодированное сообщение, знаковое образование. Поясним эту мысль.

В акте устной речевой коммуникации различаются два основных уровня (если не считать уровня органов речеобразования и речевосприятия, т. е. передатчика — приемника), и каждому из них соответствует свой код или, что то же, своя знаковая система. На уровне мозга информация кодируется посредством нервных импульсов. Этот код сравним в известных пределах с «машинным языком» — системой электрических импульсов, циркулирующих внутри электронно-вычислительной машины. Назовем его условно «языком мозга». На уровне акустического канала связи информация кодируется посредством акустических знаков естественного языка. Эти две знаковые системы (два кода) субстанционально различны, но обычно изоморфны друг другу⁸ и находятся в отношении сложного, постоянного и тесного взаимодействия. Достаточно обратить внимание на три возможности: 1) могут функционировать «язык мозга», органы речи и акустический язык (= внешняя речь), 2) могут функционировать «язык мозга» и органы речи, которые, однако, не создают акустического сигнала (= внутренняя речь), 3) может (ограниченно) функционировать только «язык мозга» (= возникновение мысли без участия речи, например, когда мы говорим одно, а думаем другое).

Говорение, если взглянуть на него с этих позиций, представляет перекодирование с «языка мозга» на язык акустического канала связи, а слушание — перекодирование с акустического языка на «язык мозга». Чтобы возникло речевое высказывание, должны быть приведены в движение органы речеобразования. Чтобы привести в движение органы речи, к ним должны поступить сигналы на «языке мозга». В этом смысле речевому высказыванию при говорении предшествует знаковое образование на «языке мозга». При слушании речевое высказывание воздействует на органы речевосприятия, в результате чего возникают сигналы на «языке мозга». В этом смысле за речевым высказыванием при слушании следует знаковое образование на «языке мозга».

Было бы ошибочно считать, что при таком подходе язык низводится до положения средства, передающего готовую мысль и не участвующего в ее формировании. Нельзя смешивать мысль с нервными импульсами «языка мозга». Такие импульсы суть знаки, мысль же есть отображение действительности. Она осуществляется благодаря знакам, но не является знаком. «Язык мозга» — такая же знаковая система, что и акустический язык. Обе эти системы объективируют мысль и тем самым участвуют в ее формировании. Отношение последовательности нервных импульсов в мозгу к соответствующей мысли тождественно отношению к ней эквивалентной последовательности акустических языковых знаков. Различие между ними состоит в том, что «язык мозга» участвует в формировании мысли всегда (без него мысль вообще не может возникнуть), а акустический язык — только тогда, когда органы речи порождают акустическое высказывание, т. е. только в случае внешней речи, или, если рассматривать этот язык на уровне артикуляций, только в случае внутренней и внешней речи.

⁸ Нарушение изоморфизма ведет к нарушению коммуникации. Если «язык мозга» не изоморфен акустическому языку, имеет место то, что называют «муками слова»; этот случай является одним из факторов, стимулирующих развитие языка. Если акустический язык не изоморфен «языку мозга», происходит непонимание (или неполное понимание) говорящего слушающим; этот случай является одним из факторов, стимулирующих развитие «языка мозга».

Итак, говорение есть перекодирование с «языка мозга», а слушание — на «язык мозга». Но собственно лингвистика изучает лишь ту знаковую систему, которая представлена в акустическом (а также графическом) канале связи, и отвлекается от всего остального. Следовательно, говорение в собственно лингвистике должно быть определено как перекодирование с лингвистически иррелевантной знаковой системы на естественный язык, а слушание — как перекодирование с естественного языка на лингвистически иррелевантную знаковую систему.

Если процесс пользования языком истолковать так, как предложено выше, естественно принять, что содержание в языке составляет информация в том ее понимании, которое развилось на базе теории информации⁹. Если же содержание в языке есть информация в этом смысле, содержание должно быть у всех языковых единиц¹⁰, в том числе и у фонем, ибо о каждой фонеме данного языка можно сказать, сколько информации на нее приходится. В то же время информация, содержащаяся в языковых знаках, должна быть разделена на семантическую и асемантическую. Семантическая информация есть информация о чем-то, асемантическая — информация ни о чем. В связи с семантической информацией можно спросить, и о чем она, и сколько ее, а применительно к асемантической информации возможен лишь вопрос о количестве¹¹. При таком подходе теряет смысл деление единиц языка на двусторонние (морфема и выше) и односторонние (фонема и слог). Все они двусторонни, поскольку все имеют выражение и содержание. Морфема (и выше), с одной стороны, и фонема и слог, с другой, различаются не наличием и отсутствием содержания, а характером содержащейся в них информации. Первые несут семантическую информацию, являются семантическими. Вторые несут асемантическую информацию, являются асемантическими.

Поскольку информация, выражаемая знаками языка, или языковая информация, способна быть и семантической, и асемантической, ее дефиниция должна отражать общее в содержании таких разных единиц, как предложение, слово, с одной стороны, и слог, фонема — с другой. Общим же у них является, по-видимому, только то, что отличает эти единицы от соотносимых с ними чисто акустических явлений, т. е. знаковость (в смысле: принадлежность к знаковой системе). Разные единицы конкретизируют свою знаковость по-разному. Одни обозначают одно, другие — другое, третьи, ничего не обозначая, принадлежат к знаковой системе как различители единиц более высоких рангов. И в зависимости от этого они несут разную информацию. Следовательно, языковая информация есть совокупность свойств языковых единиц, конкретизирующих их знаковость. Каждая единица языка обладает какими-то акустическими (или графическими) и какими-то информационными свойствами (= информацией). Совокупность первых составляет выражение этой единицы, совокупность вторых — ее содержание.

От акустических свойств языкового знака или таких свойств вещи, как масса или форма, которые присущи соответствующему материальному объекту от природы, информацию как свойство отличает функциональность. Естественные свойства связаны друг с другом причинно-

⁹ Ср. определение информации как «отраженного разнообразия» в кн.: А. Д. Урс у л. Природа информации, М., 1968, стр. 217.

¹⁰ В данной статье язык представляется в виде некоторой области (или системы) объектов, таких, как фонемы, морфемы, слова, предложения. Эти объекты называются единицами, или знаками языка, причем выражения «единица» и «знак» понимаются как синонимы.

¹¹ Надо иметь в виду, что ноль информации не то же, что ее отсутствие. Равенство нулю битов означает только, что данная информация (но вовсе не ее отсутствие) предсказывается с вероятностью, равной единице.

следственными отношениями. Информация же не выступает по отношению к акустическим свойствам ее носителя, т. е. к выражению того же знака, ни как причина, ни как следствие. Она, так сказать, задается извне (обычно говорят о произвольности или условности связи). Информация, составляющая содержание некоторого слова (= отнесенность к определенному обозначаемому), возникает у этого слова потому и только потому, что она закрепляется за ним членами языкового коллектива. Однако функциональность информации не может служить основанием, чтобы считать информацию идеальным феноменом: она так же материальна, как и естественные свойства. Функциональность обуславливает лишь способ появления информации, но не то, как она существует. По способу существования она не отличается от естественных свойств: коль скоро некоторая информация закреплена за каким-то знаком, она как свойство этого знака существует эмпирически, материально (см. ниже). Если бы это было не так, отличить знак от незнака было бы невозможно. Если же информация материальна, она не совпадает с тем, что принято называть мыслью.

Итак, подчеркиваем: при объективном взгляде содержание языковой единицы столь же материально, что и ее выражение. В этом смысле все единицы языка односторонни, в них нет ни грана идеального.

То, к чему языковые единицы относятся, что они обозначают, о чем несут информацию, условимся называть языковыми референтами (языковыми — потому что информацию о них передают языковые знаки) и попытаемся выяснить, что они собой представляют.

Многочисленные факты несоответствия содержания высказывания действительности, в частности такие заведомо ложные высказывания, как *На вербе растут груши*, доказывают, что языковые референты есть идеальные объекты. Это не денотаты, а сигнификаты, если воспользоваться терминологией Ч. Морриса.

Хороший пример дают эксперименты, которые ставились в свое время для подтверждения субститутивной природы знака, и среди них опыты О. П. Капустника¹². Один из таких опытов состоял в следующем. У детей вырабатывался условный рефлекс на звонок: звенел звонок, и дети нажимали резиновую грушу. Затем вместо того, чтобы дать звонок, экспериментатор говорил: «Звонок!», и дети нажимали грушу так же, как они делали это в ответ на звон звонка. Тем самым принципиально подтверждалась одинаковость воздействия на нервную систему факта действительности и соответствующего ему языкового знака. Но опыты такого рода доказывают также, что референтом языковой единицы, в данном случае предложения *Звонок!*, является идеальное событие, а не факт действительности, т. е. не реальный звон звонка. В этом легко убедиться. Предложение *Звонок!* было произнесено, когда звонок не звенел, и следовательно, оно противоречило действительной ситуации (именно поэтому эксперимент удался). Если бы референт совпадал с действительностью, сказать *Звонок!* можно было бы только одновременно с реальным звоном звонка.

Так мы приходим к следующим выводам: 1) при построении речевого высказывания параллельно с ним конструируется его идеальный референт. Этот референт может быть адекватным и неадекватным действительности¹³. Но он никогда не совпадает с ней: этому препятствует идеальность референта и материальность действительности; 2) информация, содержащаяся в высказывании, относится к идеальному референту, а не непосред-

¹² См.: О. П. Капустник, Взаимоотношения между непосредственными условными раздражителями и словесными их символами, «Труды лаборатории физиологии высшей нервной деятельности ребенка», II, М., 1930.

¹³ Может быть и таким, что его адекватность или неадекватность представляется как возможность (это типично для референтов вопросительных высказываний).

ственно к действительности. Но, передавая информацию об идеальном референте, мы через него передаем информацию и о действительности — в той мере, в какой референт адекватен действительности.

Эти выводы расходятся с привычным представлением о том, что при помощи языка мы говорим (передаем информацию) прямо о действительности¹⁴. Как объяснить это расхождение?

Предположим, что некто, убедившись на практике, что его перо хорошо пишет, построил предложение *Это перо хорошо пишет*. В соответствии со сказанным выше надо констатировать, что это предложение несет информацию не непосредственно о действительности, а о своем идеальном референте, адекватном установленному на практике факту. И поскольку передать информацию о том, что адекватно действительности, не то же, что передать информацию о самой действительности, привычное представление должно быть отвергнуто. Но, с другой стороны, нельзя забывать о способности человека отвлекаться от любых свойств любых рассматриваемых объектов. Можем мы отвлечься и от того, что отличает идеальный референт от действительности, — от его идеальности. А тогда отношение референта к действительности принимает форму совпадения — несовпадения (вместо адекватности — неадекватности). Если известно, что референт предложения *Это перо хорошо пишет* адекватен действительному факту, можно, отвлекаясь от идеальности референта, сказать, что он совпадает с этим фактом и что, следовательно, предложение несет информацию непосредственно о действительности. Только при этом надо помнить, что мы отвлеклись от идеальности референта, что на самом деле предложение передает информацию об адекватном действительности идеальном референте.

Короче говоря, передать информацию непосредственно о действительности при помощи языка нельзя, но мы можем у т в е р ж д а т ь, что передаем информацию непосредственно о действительности, если выполняем названное выше условие. В таком «сдвиге» нет ничего необычного. К нему постоянно прибегают, когда о модели говорят так, как если бы это был оригинал. Например, когда говорят, указывая на точку на глобусе: «Здесь находится Ленинград»¹⁵.

В чем состоит специфика языковых референтов как идеальных объектов¹⁶? Широко известны слова К. Маркса и Ф. Энгельса из «Немецкой идеологии»: «На „духе“ с самого начала лежит проклятие — быть „отягощенным“ материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков — словом, в виде языка»¹⁷. Полагаем, что специфика идеальных языковых референтов заключена именно в их «отягощенности» материей, в том, что они существуют лишь постольку, поскольку они «отягощены» обозначающими их единицами языка. Раскрыть эту мысль можно, видимо, посредством следующих шести тезисов.

¹⁴ Ср., например: A. Gardiner, The theory of speech and language, Oxford, 1932, стр. 18.

¹⁵ Чтобы не упрощать проблемы, следует оговориться. Идеальность не обязательна для референтов. Существуют знаковые системы (к ним, видимо, относится „язык животных“), передающие информацию только о материальных референтах. Языковые референты тоже не все являются идеальными. В двух случаях они материальны: а) если языковый знак несет информацию об информации же (например, информацию о вопросительности содержащейся в высказывании информации) и б) если он несет слуховую информацию, т. е. информацию о строении знака, в который он входит. Однако в данной статье материальные референты не рассматриваются.

¹⁶ Об идеальных объектах см.: В. А. Смирнов. О достоинствах и недостатках одной логико-философской концепции, сб. «Философия марксизма и неопозитивизм», М., 1963. В том же смысле часто употребляют также термин «абстрактный объект».

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 3, М., 1955, стр. 29.

(1) Идеальные референты существуют не эмпирически (т. е. не поддаются восприятию нашими органами чувств, непосредственно или через те или иные приборы), а в том и только в том смысле, что мы можем говорить, передавать информацию о них. Ср., например, референты слов *лещ* «рыба из семейства карповых» и *леший* «мифическое существо, якобы живущее в лесу». Оба они существуют как то, о чем несут информацию эти слова. Эмпирически же существуют только лещи (реальные лещи, не референт словоформы *лещи*).

(2) Если идеальные референты существуют лишь в смысле (1), то чтобы создать их, достаточно произнести соответствующую языковую единицу (или ряд единиц). Известно, например, что для эмпирического создания трансурановых элементов — нептуния, плутония и др. — требуется сложное оборудование. А как языковые референты они создаются простым произнесением слов *нептуний*, *плутоний* и т. д. Невозможно изменить нашу солнечную систему так, чтобы Солнце вращалось вокруг Земли. Но создать идеальный референт, который был бы адекватен этой переальной ситуации, очень просто. Для этого достаточно построить предложение *Солнце вращается вокруг Земли*.

(3) Взаимодействие идеальных референтов друг с другом (что происходит параллельно с построением соответствующих языковых единиц) всегда дает в итоге тоже идеальные референты и ничего другого, кроме идеальных референтов. Когда, например, из молока делают творог, молоко как таковое исчезает, и вместо него получается творог. Но в референте предложения *Она сделала из молока творог* референты «молоко» и «творог» не исключают друг друга. Они сосуществуют и вместе с другими референтами того же порядка («она» и «сделала») образуют единство, представляющее собой референт более высокого порядка (референт предложения).

(4) Назначение идеальных референтов — отображать действительность. Поэтому их отношение к действительности аналогично отношению модели к оригиналу. Оно характеризуется в терминах адекватности — неадекватности, а не в терминах совпадения — несовпадения (с учетом «сдвига», о котором говорилось на стр. 15).

(5) Способ, которым идеальные референты создаются, объясняет, почему они все же воспринимаются нами, хотя и не существуют эмпирически: если они существуют лишь постольку, поскольку существуют обозначающие их языковые единицы, то и восприниматься они должны лишь постольку, поскольку мы воспринимаем эти языковые единицы.

(6) Идеальные референты лишены пространственно-временной протяженности. Потому-то они и не существуют эмпирически. Локализовать в пространстве и времени можно только знаки, но не их идеальные референты.

По идеальным языковым референтам можно судить об идеальных референтах (или идеальных объектах) вообще. Их сущность — в способе существования и назначения. В отличие от знаков и других материальных объектов, идеальные референты существуют лишь постольку, поскольку существуют обозначающие их знаки, и лишь в том смысле, что о них можно передавать информацию. Этот способ существования идеальных референтов обусловлен их назначением, тем, что они предназначены для отображения действительности. Идеальные референты отображают действительность, знаки передают информацию об этих отображениях и через них о действительности (в той мере, в какой идеальный референт адекватно отображает действительность).

Информация как свойство знака, отличающее его от незнака, не обладает ни тем способом существования, ни тем назначением, которые

характеризуют идеальный объект. Поэтому объективно ее нельзя причислять к идеальному.

Из того, что языковые референты идеальны, отнюдь не следует, что они входят в состав единиц языка. Во-первых, включение референта в знак ведет к отказу от истолкования (семантического) знака как заместителя чего-то внешнего по отношению к нему. Это в свою очередь ведет к концепции типа той, которую отстаивал Л. Ельмслев и которую ныне вряд ли нужно специально опровергать. Во-вторых, включать референт в знак в качестве его содержания значит отождествлять его с (семантической) информацией. Между тем их различие должно быть очевидным: свойство знака, конкретизирующее его отнесенность к чему-то (т. е. семантическая информация), и то, к чему относится этот знак (т. е. референт), не может быть одним и тем же¹⁸. В-третьих, материальный референт явно не входит в состав обозначающего его знака. Тем более это должно относиться к идеальному референту. Если языковые единицы существуют эмпирически, а их идеальные референты — только в том смысле, что о них может быть передана информация, то включить идеальные референты в языковые единицы можно лишь при условии, что мы признаем возможными объекты, которые существуют одновременно и эмпирически, и неэмпирически, а это нелогично.

Если идеальные языковые референты обособлены от обозначающих их единиц, их тождество и различие должно базироваться на их собственных (идеальных) свойствах, а не на (материальных) свойствах языковых единиц. И это действительно так. Атом, например, обозначается по-русски словом *атом*, а по-японски — *гэнси*. Но это различие затрагивает лишь языковые единицы. Идеальный референт остается самим собой независимо от того, обозначается ли он словом *атом* или *гэнси*. Русское слово *вилка* несет информацию и о предмете из столового прибора и о положении на шахматной доске. Однако эти разные референты не ставятся ближе друг к другу от того, что они обозначаются в русском языке одной многозначной единицей.

Такая независимость идеальных референтов от единиц языка дает основание утверждать, что идеальные языковые референты универсальны, что они образуют систему, единую для всего класса естественных языков. Множественность языков не распространяется на область идеальных языковых референтов. Языки различаются своими единицами, не референтами.

Но универсальность идеальных языковых референтов не следует понимать так, что все языки передают информацию обо всех возможных референтах. Каждый язык покрывает лишь часть универсальной системы, а его неспособность передать информацию о неохватываемой части системы всегда компенсируется или может быть компенсирована.

С точки зрения отдельного языка идеальные референты универсальной системы делятся на три группы: (а) референты, охватываемые данным языком (они строятся средствами этого языка, и о них может быть передана информация); (б) референты, не охватываемые данным языком, но равные референтам (а) — равные в том смысле, что для отображения

¹⁸ Популярное в последнее время противопоставление «поверхностность — глубинность» тоже не помогает. За ним стоит лишь образ, осмысливаемый разными авторами по-разному, причем «разброс» мнений оказывается весьма широким (ср., например: «Тезисы научной конференции „Глубинные и поверхностные структуры в языке“», М., 1972). Можно, конечно, приписать, скажем, языковым единицам признак «поверхностности», а идеальным языковым референтам — признак «глубинности». Однако ясности от этого не прибавится. Просто мы получим право называть одни объекты «поверхностными», другие — «глубинными». Не более.

действительности не существенно, строится ли один из данной пары референтов или другой, передается ли информация об одном из них или другом; (в) референты, не охватываемые данным языком и не равные референтам (а), но такие, что они могут перейти в (а) или (б), если язык в своем развитии обогатится необходимыми средствами.

В русском языке, например, китайскому числительному *вань* соответствует сочетание *десять тысяч*. Референт этого сочетания, т. е. «десять тысяч», не тождествен референту «вань». Он составлен из двух элементарных референтов «десять» и «тысяча». Референт же «вань» элементарен, он не делится так, как делится «десять тысяч». Но хотя эти референты и различны, они равны, потому что десять тысяч равно одному ваню ($10.000 = 1.0000$), потому что составной референт «десять тысяч» отображает действительность точно так же, как элементарный «вань». Японское прилагательное *аой* значит и «синий», и «зеленый». Следовательно, референты «аой» и «синий» не равны. Но в составном референте, например в референте сочетаний *аой сора* «синее небо» и *синее небо*, их неравенство нейтрализуется. Эти сочетания несут информацию об одном и том же референте. Можно было бы привести и другие, требующие более сложных объяснений примеры, но думается, что и этих примеров достаточно, чтобы показать, что наличие референтов (б) не отражается на коммуникативных возможностях языка.

К группе (в) принадлежат, например, референты терминов какой-либо науки, взятые в их отношении к языку народа, находящегося на такой стадии познания действительности, когда еще не возникает потребность в этих терминах. Референты (в), конечно, свидетельствуют о несовершенстве данного языка. Но это несовершенство устранимое. Оно преодолевается с развитием языка. А так как все языки одинаково способны к развитию, все они обладают потенциально равными коммуникативными возможностями.

Таким образом, наши выводы кардинально расходятся с известными положениями Б. Уорфа, Л. Вейсгербера и др. Языки могут не располагать средствами для построения каких-то референтов и передачи информации о них. Однако из этого неправомочно заключать, что идеальные референты образуют не единую систему, а разные системы для разных языков (или групп языков). Неправомочно также заключать, что разные языки строят разные «картины мира». Для отображения действительности безразлично, осуществляется ли оно при помощи одного и того же или разных, но равных идеальных референтов.

Теперь можно сказать, в каких отношениях друг к другу находятся идеальный референт и мысль.

Как явствует из изложенного, при рассмотрении того, что называется мыслью, надо учитывать возможность двух разных пониманий — объективного и субъективного. Объективно идеальный референт это и есть мысль: он идеален, обособлен от обозначающего его знака и вместе с тем неотрывен от него, так как существует только постольку, поскольку существует знак, и лишь в том смысле, что о нем может быть передана информация. На уровне речевого высказывания мысль есть идеальный референт языковой единицы, на уровне мозга — идеальный референт последовательности нервных импульсов как единицы «языка мозга». Мышление представляет собой процесс оперирования идеальными референтами, протекающий при участии «языка мозга» и естественного языка. Следовательно, языковые единицы не выражают мысль как свое содержание. Они передают информацию о мысли и через нее о действительности.

Субъективно мы переживаем идеальный референт как то, что выражается посредством знака, что скрыто в нем или за ним, что обладает свой-

ством глубинности, и не отличаем информацию от идеального референта. В то же время мы непроизвольно совершаем «сдвиг», о котором упоминалось на стр. 15, и нам кажется, что мы передаем информацию не об идеальном референте, а непосредственно о действительности. Вместе это приводит к искажению объективной картины: материальное содержание семантического знака (семантическая информация) представляется нам идеальным (относящимся к области сознания), а идеальное обозначаемое семантического знака (идеальный референт) представляется материальным (относящимся к действительности).

Оба этих подхода правомерны, но для разных научных дисциплин их значимость различна. Для таких дисциплин, как логика или собственно лингвистика, обязательна объективная трактовка мышления (субъективный подход в них так же непригоден, как в астрономии субъективное предстарание о строении солнечной системы). Психология (а также психолингвистика), изучающая психическую деятельность, по-видимому, должна стоять на субъективных позициях (хотя она, разумеется, учитывает и объективные данные). В тех науках, для которых выбор между объективным и субъективным подходами несуществен, — а таких наук большинство, — предпочтение также отдается субъективному представлению как более простому с точки зрения исследователя.

Субъективное понимание мышления в лингвистике, сопровождаемое таким же пониманием речевой деятельности, влечет за собой истолкование содержания семантических единиц языка как психической данности, а это, как уже говорилось, приводит к противоречию. Кроме того, при субъективном подходе мысли часто приписывается структура единиц супрасинтаксического яруса языка. Между тем структуры идеальных языковых референтов и супрасинтаксических единиц различны. Противопоставление «психологический (логический) субъект (данное) — психологический (логический) предикат (новое)» объективно можно объяснить так. То, что субъективно переживается как «данное», есть семантическая информация, лишенная количественного параметра, то, что субъективно переживается как «новое», есть семантическая информация, имеющая количественный параметр. Количество семантической информации, содержащейся в некотором сообщении, определяется по «новой» информации. «Данная» информация не принимается в расчет, она не увеличивает и не уменьшает количества семантической информации¹⁹.

Собственно лингвистика различает три области объектов: 1) язык как систему языковых единиц, 2) универсальную систему идеальных языковых референтов и 3) внеязыковую действительность. Так как языковые единицы не передают информацию непосредственно о внеязыковой действительности, эта действительность является лингвистически безразличной. Она не безразлична для лингвиста только на уровне восприятия (понимания) подлежащих лингвистическому анализу высказываний (поскольку для анализа высказываний необходимо их понимание, а понимание невозможно без учета речевой ситуации).

Изучение семантического аспекта языка с опорой на внеязыковую действительность нерационально. Ю. Д. Апресян²⁰, например, различает у предложения денотативное значение (определяемое как внеязыковая ситуация) и сигнификативное значение (определяемое как способ представления ситуации мыслящим субъектом) и поясняет это различие на примерах типа *Петр — отец Ивана* и *Иван — сын Петра*: такие

¹⁹ См.: И. Ф. В ар д у л ь, О двух синтаксических уровнях языка, «Исследования по японскому языку», М., 1967.

²⁰ См.: Ю. Д. А п р е с я н, Экспериментальное исследование семантики русского глагола, М., 1967, стр. 5—6.

предложения, по его мнению, имеют одно денотативное, но разные сигнификативные значения. Известно, что денотат у предложений есть только тогда, когда они истинны. Следовательно, объяснение Апресяна применимо лишь к истинным предложениям и неприменимо к ложным (а также таким, которые не могут быть ни истинными, ни ложными). Чтобы показать семантическую общность предложений типа *Петр — отец Ивана* и *Иван — сын Петра*, нет необходимости обращаться к чему-то еще, кроме их идеальных референтов (или сигнификативных значений, по Апресяну). Достаточно отметить, что их референты равны, хотя и различны, как равны (хотя и различные), например, референты выражений $2 + 1$ и $4 - 1$ ($2 + 1 = 4 - 1$).

Иррелевантность внеязыковой действительности находит выражение в характерной для лингвистики позиции «доверчивого простака». Предикативные построения приписывают своим референтам то или иное отношение к действительности. Так, предложения, обычно называемые повествовательными, в наиболее типичных случаях приписывают адекватность действительности, совпадение с ней, хотя на самом деле их референты, конечно, могут быть и адекватными (если предложение истинно) и неадекватными (если предложение ложно). Позиция «доверчивого простака» состоит в том, то идеальный референт принимается таким, каким его представляет языковая единица. Если предложение *Волга впадает в Индийский океан* в силу своей повествовательности представляет свой референт как совпадающий с действительностью, то таким он и принимается. Стало быть, с точки зрения языкознания это предложение столь же «истинно», что и предложение *Волга впадает в Каспийское море*. Предложения Апресяна тоже подают свои референты как совпадающие с действительностью, и если принять их такими, создастся видимость наличия у них денотата. Позицию «доверчивого простака» демонстрируют также дети в экспериментах Капустника, послушно нажимая грушу в ответ на явно ложную информацию. Критически настроенный участник опыта должен был бы сказать: «Звонок? А я его не слышу».

Что касается идеальных языковых референтов, то их система подлежит изучению в собственно лингвистике наряду с системами языковых единиц, т. е. языками. Идеальные языковые референты экстраязыковы, но не экстралингвистичны. Каждому классу знаковых систем соответствует своя система референтов (ср. в этом отношении естественный язык и, например, систему уличного светофора), и эта система не интересуется ни одну дисциплину, кроме той, которая описывает данный класс знаковых систем (хотя бы потому, что ни одна другая дисциплина не подходит к ним с позиции «доверчивого простака»). Логика изучает языковые референты (если она вообще оперирует единицами естественного языка, а не искусственных систем) лишь в связи с анализом процесса получения знаний. Поэтому лингвист не может полностью опереться на нее, хотя и заимствует многие логические понятия. Семиотика подходит к изучаемым ею знаковым системам с тех же позиций, что и лингвистика, но ставит естественный язык в один ряд с другими знаковыми системами, включая самые простейшие. Поэтому семиотическая трактовка референтов не может быть чрезмерно общей для лингвистики (ср. описание сигнификата у Ч. Морриса²¹).

Семантику рационально понимать как изучение семантического аспекта языка, именно как описание языковых единиц в их отношении к тому, что ими обозначается, т. е. к референтам. Иначе говоря, семантика изучает языковые единицы, но не их референты. Следовательно, в любом

²¹ Ch. Morris, Signs, language and behavior, New York, 1946, стр. 60 и сл.

семантическом описании должны предполагаться уже определенными понятия для той части системы референтов, обращение к которой необходимо, чтобы осмыслить затрагиваемую описанием совокупность языковых фактов. Без этого семантическое исследование не может быть терминологически строгим. Чтобы показать, например, в чем состоит семантическое различие между *бабушка*, *сказку* и *внуку* в предложении *Бабушка читает сказку внуку*, надо предварительно установить, из каких классов идеальных референтов складываются идеальные референты предложений. Чтобы показать, чем семантически различаются формы типа *читает* и *читала*, надо предварительно определить понятие «время» и определить его не физически или философски, а как понятие, относящееся к системе идеальных языковых референтов. Словом, семантическому исследованию логически должно предшествовать изучение системы идеальных языковых референтов. Дисциплину, которая занимается изучением этой системы, можно назвать предсемантикой.

Семантика и предсемантика принципиально различны. То, что описывается в семантике (языковые единицы), материально. То, что описывается в предсемантике (идеальные языковые референты), идеально. Все языки подлежат семантическому изучению, но каждый из них семантика берет не целиком, а лишь в одном из его аспектов (в семантическом аспекте). Предсемантика же изучает только один объект — универсальную систему идеальных языковых референтов, но охватывает этот объект целиком, не делит его описание ни с какой другой лингвистической дисциплиной.

Так как идеальные референты языковых единиц существуют только благодаря существованию этих единиц и лишь в том смысле, что о них можно передать информацию, данные о системе языковых референтов могут быть добыты только через речевые высказывания (при условии их понимания). Из этого следует, что предсемантика, как и семантика, имеет дело с языком. Но подходит она к нему иначе: если для семантики язык является собственно объектом исследования, то для предсемантики он есть лишь средство, позволяющее воспринять объект исследования, проникнуть в область идеальных языковых референтов. Обращенность предсемантики и семантики к одним и тем же языковым единицам свидетельствует о принадлежности этих дисциплин к одному уровню. Предсемантика логически предшествует семантике, но не является ее метатеорией. Это именно предсемантика, не метасемантика.

Описывая универсальную систему идеальных языковых референтов, предсемантика тем самым описывает возможные формы и строение мысли (поскольку идеальный референт — мысль), т. е. ту сторону мышления, которая попадает в объект лингвистики. Правда, собственно лингвистическое (предсемантическое) представление о мышлении страдает односторонностью. Лингвист ограничен рамками системы языковых референтов. Он подходит к идеальным референтам с позиции «доверчивого простака» и не касается проблемы истинности — ложности. Однако односторонность лингвистической точки зрения оправдана: то, что может быть вскрыто в мышлении собственно лингвистикой (предсемантикой), не поддается обнаружению ни в одной другой науке.

В практике семантических исследований языковеды широко пользуются предсемантическими понятиями. Ср. «предмет», «действие», «объект», «одушевленность», «многократность», «время» и т. д. Но эти понятия обычно рассматриваются вне той единой системы, которую они образуют. А это означает, что целостной теории идеальных языковых референтов, такой, которая бы строилась на собственно лингвистической основе, пока не существует. Ее еще предстоит создать.